

• УДАР В СЕРДЦЕ

10 апреля 1877 года выдалось пасмурным. Вольноопределяющийся второго разряда Алексей Лыков замер в шеренге Александропольского пехотного полка. Рядом стояли другие части. На поляне у Эскадских высот выстроился в огромное каре весь Рионский отряд. Двадцать четыре тысячи штыков и сабель! Основу составляли пехотные полки Кавказского корпуса: Севастопольский, Кубанский, Закатальский, Ленкоранский и лыковский Александропольский. Их усиливали Первый и Второй Кавказские стрелковые батальоны, четыре пешие сотни пластунского батальона, Второй Ейский казачий полк, а также саперы и артиллеристы. Значительную часть отряда составляли местные добровольцы. Грузинские, Кутаисские и Гурийские пешие дружины (по две от каждой области, а всего шесть) дополнял Кутаисский конный иррегулярный полк. Все эти силы должны были завтра перейти турецкую границу и начать войну.

Лыков прибыл в действующую армию неделю назад. Переболев в детстве пневмонией, он пропустил год и гимназию потому окончил поздно. Недоучившийся

школяр вызвался воевать добровольцем. Экзамены пришлось сдавать экстерном. За большинство дисциплин Алексею поставили хорошие отметки справедливо — парень шел одним из лучших в классе. Вот за древние языки дали высокий балл зря. Пожалели юного героя или оценили патриотизм. А может, команда такая спустилась с верхов — ходили слухи. Девятнадцатилетних юношей брали неохотно¹. Лыкову-старшему пришлось идти к губернскому воинскому начальнику, хлопотать за сына. Взяли, хоть и покачали головой. Мать проплакала все глаза, а мужа чуть не прокляла... Но сын оказался настойчив, с ним ничего нельзя было поделатъ, и она смирилась. Ладно хоть на Кавказ послали, где турок поменьше и война должна быть поживе...

Ноги у Алексея еще болели. Это с непривычки — руки-то он уже хорошо развил. Сойдя на станции Самтретиа Поти-Тифлисской железной дороги, пополнения двинулись к Озургетам. Семьдесят верст по горному шоссе шли двое суток. Маленький уездный городок Кутаисской губернии встретил героев нудным дождиком. Неопытный Лыков натер себе портянками волдыри еще в первый день. Пришлось садиться на патронную двуколку под насмешки товарищей. Вольноопределяющиеся второго разряда в армии на особом учете. Полное среднее образование — не хухры-мухры! Тут два пути. Либо тебя втолкнут в канцелярию, поскольку грамотные люди

¹ Воинская повинность начиналась с 21 года, но в вольноопределяющиеся брали с 17 лет. (Здесь и далее примеч. автора.)

нужны позарез. Либо, если есть способности, быстро поднимут в унтер-офицеры. А там и до прапорщика «за отличие» недалеко. Поэтому и фельдфебели, и даже поручики говорят вольноплёрам «вы». Зато солдаты ровней не считают и на всякий случай сторонятся.

Выручил парня ефрейтор Голунов из восьмого отделения. Он смазал ноги Лыкова какой-то пахучей дрянью и переложил подорожником. А сверху замотал портянки, как положено. И Алексей смог снова идти. После этого нижегородец выделял рослого красивого кубанца. То, что он из кубанских казаков, ефрейтор рассказал сам. Бывший пластун перевелся из военного сословия в крестьяне по какой-то личной причине. Но когда объявили мобилизацию, тоже вызвался добровольцем. Рукастый, ловкий и очень спокойный, Голунов пользовался общим уважением. Вся рота обращалась к нему по имени-отчеству: Калина Аггеевич. Ясно было, что в ефрейторах кубанцу сидеть недолго... Характерно, что Голунов пришел с полным снаряжением, как и полагается казакам по арматурному списку. Поэтому за поясом у вчерашнего крестьянина виднелась нагайка, а в ранце лежал горский костюм.

Алексея начальство тоже выделило. На первых же учениях он сумел отличиться. В русском пехотном батальоне пять рот: четыре линейных и одна стрелковая. Лыков попал в линейную и огорчился — хотелось пострелять. Да и винтовки в пятой роте были системы Крнка, а у линейцев — Карле. И там и там патроны бумажные, но Крнка лучше и дальность боя у нее выше. Согласно

тактике, впереди батальона идет стрелковая цепь. Но от каждой линейной роты выделяется полувзвод, и эти команды составляют вторую цепь — для усиления первой. Вольнопёр попал туда. Остальные солдаты батальона атакуют взводными колоннами, отступая от стрелков на сто двадцать саженей. В цепи боевой единицей считается звено из четырех человек. Лыков оказался в нем самым образованным и был назначен старшим. Вот и повышение! Поручик Агафонов-второй, командир их полуроты, похвалил нижегородца за сообразительность: тот перебежал, как полагается по уставу, вовремя падал и вовремя вставал. И при этом успевал подгонять других. Если так же будет в бою, сказал поручик, можете и капральство получить. А это уже младший унтер-офицер! Алексей сначала загордился, а потом смутился. Кто знает, как будет в бою? Вдруг, попав под огонь, он наделает в штаны? Думать об этом не хотелось, но мысли о бое не отгонишь. Ведь скоро война. Там убивают. Хватит ли духу или вольнопёр опозорится? Отец его — кавалер Владимирского креста с мечами и бантом, а вот кем окажется сын?

Алексей стоял в каре и волновался. В центре толпились полковые командиры. Среди них выделялся седой полковник с большими усами и Георгием на мундире. Это был князь Абашидзе, командир 161-го Александропольского полка, старый кавказец и известный храбрец. А особняком на коне гарцевал командир всего Рионского отряда генерал-лейтенант Оклобжио. Его тонкое нервное лицо дергалось, короткая борода всклокочена...

Серб по рождению, перешедший на русскую службу, он тридцать лет отвоевал здесь же, на Кавказе, и имел высокую боевую репутацию. Поручик Агафонов рассказывал, что Оклобжио окончил в молодости университет в Падуе, чуть ли не юридический факультет. Но снял ученую мантию и ушел в военные. Эко жизнь выворачивает...

Оклобжио дернул повод и выехал в центр каре.

Раздалась команда:

— Глаза... на середину!

Все разговоры сразу стихли. Стало слышно, как в воздухе звенят комары, а далеко в городе пиликает скрипка.

— Братцы!

Огромный прямоугольник замер. Люди напрягли слух, каждый волновался и пытался скрыть это от соседей.

— Завтра мы идем грудью на врага. Вы дали присягу. Долг есть долг, русскому солдату об этом напоминать не надо. Но есть то, что требуется сверх долга. Нам нужны охотники. Для начала двести человек. Вот туда уже каждый идет сам, по своей воле. Туда приказом не назначают. Решайте.

Отряд стоял и слушал. Генерал шумно вдохнул, и стало ясно, что он тоже волнуется.

— Охотники — это особые люди, — продолжил Оклобжио. — Тот, кто выйдет сейчас из строя и поступит в команду, должен знать о себе всю правду. А правда такая: никто из охотников не вернется домой.

Алексей поразился. Что несет этот седобородый человек? Выйдешь из строя — и неизбежно покойник? Как можно так говорить? Кто согласится стать смертником? Но люди слушали внимательно и серьезно. Взрослые мужики, в большинстве своем крестьяне, только нахмурились. И никто не побледнел.

— Ребята! Повторю: охотники дома не увидят. Все они полягут здесь, в этих диких горах. Так должен думать каждый. Иначе он не сможет исполнить приказа. Ведь самые трудные приказы получают именно они! Лишь тот, кто не боится смерти, кто умер уже для мирских дел и сделался настоящим солдат, смело пойдет на пули. Такова высшая честь для охотника: атаковать в первых рядах и первым умереть. Высшая воинская честь. И потому...

Голос генерал-лейтенанта дрогнул, но он взял себя в руки.

— И потому говорю: подумайте хорошенько! Вы отрезаете себя от надежды, поймите! Вы смертники. Самые трудные и опасные дела поручат вам. Такие, где возможности нет уцелеть. Разведки в тылу врага, захват пленных, охрана наших позиций, уничтожение турецких секретов, штурм высот. Это доверяют лишь охотникам. И потери у них самые большие всегда. А награды как у всех, увы. Там не за кресты голову кладут. А за Веру, Царя и Отечество. Выбирайте, ребята. Решайте прямо сейчас. Кто вперед шагнул, себе уже не принадлежит.

Многотысячная людская масса молчала. То ли обдумывали услышанное, то ли ждали приказа... И приказ поступил.

— Внимание! — фальцетом крикнул генерал. — Кто желает стать охотником... два шага вперед... марш!

Несколько томительно длинных секунд все стояли без движения. Лыков уже решил для себя, что в охотники не пойдет. Как это он может не вернуться? А мать? А больной отец? Конечно, вызываясь на войну, Алексей понимал, что может погибнуть. Но есть и шансы уцелеть! Прийти домой, обнять родных. К неизбежной смерти, выбранной по своей воле, Алексей был не готов. И, немного малодушно, ему сейчас очень захотелось, чтобы вперед вышли немногие. А таких, как он, оказалось большинство. Но тут секунды раздумий прошли, и каре зашевелилось.

Лыков стоял и смотрел, как люди выбирают для себя смерть. Было жутко и при этом любопытно. За тем и шел на войну молодой парень, чтобы увидеть жизнь в высших ее проявлениях. Когда на кону твоя голова... И хотя война еще не началась, а выбор уже надо делать. И солдаты его сделали.

Вся лампасная пехота¹, как один человек, дружно шагнула вперед. Четыреста пятьдесят разных характеров — и полное единодушие! То же самое сделали стрелковые батальоны, ейские казаки, кутаисские милиционеры, грузинские и гурийские добровольцы.

¹ Лампасная пехота — пластуны, пешие казачьи части.

Пехотные полки поступили иначе. Хотя они давно воевали на Кавказе, имели славные традиции и числили в своих рядах множество храбрецов, шагнули вперед не все. В 164-м Закавказском, например, приблизительно две трети. А в 161-м Александропольском, на глазок, неизбежную смерть выбрали меньше половины.

Алексей с облегчением увидел, что на левом фланге каре из строя не вышел никто. И тут же устыдился. Вспомнил, что там стоят специальные части: понтонеры, саперы и отделение военно-полевого телеграфа. Кто же их отпустит в охотники? Не для того готовили много лет! Этим отборным людям путь в смертники заказан.

Вдруг Лыков заметил, что два шага вперед сделал его сосед по строю. Вольноопределяющийся Михаил Бельский пошел воевать добровольцем из студентов. Старше Алексея на два года и много опытнее, он опекал бывшего гимназиста. Михаил пытался попасть еще на Сербскую войну, но добрался лишь до Бухареста. К тому времени сербов уже побили, и румыны не пускали туда русских добровольцев. Бельский проторчал в румынской столице полтора месяца, истратил все деньги и подхватил дурную болезнь. Этим его боевые подвиги исчерпались. Однако в Москве студент прослыл героем. Видимо, учиться ему не хотелось. Чуть только снова запахло порохом, он сразу бросил университет и записался в армию. За две недели знакомства Лыков и Бельский стали приятелями, и вот! Михаил готов погибнуть за правое дело. А он, трусливый мальчишка, нет? Алексей рассердился

на себя. Точнее, сначала ему стало стыдно, а уже потом он осерчал. И собрался, пусть с запозданием, шагнуть вперед. Но тут кто-то сзади положил ему руку на плечо.

Вольноопределяющийся резко обернулся — и опешил. Перед ним стоял флигель-адъютант подполковник Териев, командир их первого батальона. Легендарной храбрости человек, кавалер четырех солдатских Георгиевских крестов и одного офицерского! Вся жизнь его прошла на войне с горцами. Из рядовых отчаянный вояка дослужился до штаб-офицера. А флигель-адъютантский аксельбант получил за покорение черкесов. Териев был знаменит той храбростью, которую солдаты почитают выше всех других, — спокойной и непоказной. Подполковник не терпел лишней крови, ни своей, ни вражеской. Осторожный и расчетливый, он побеждал умом и опытом. Лишь только если это было неизбежно, батальонер посылал людей на смерть. При этом всегда шел рядом с ними, а солдаты жались к своему командиру. Они были уверены, что Териев заговоренный и пули его обходят. И вот этот удивительный человек удержал его, Лыкова, от шага вперед!

Подполковник строго смотрел на Алексея восточными карими глазами. Потом сказал вполголоса:

— Не спеши, сначала подумай.

— Но там...

— Ну и что? Запомни: никогда не торопись с такими важными вещами. Не спеши умереть. Навоюешься еще.

— Ваше высокоблагородие, но они не испугались! Чем же я хуже их?

— Ничем. Ты еще себя покажешь. Я вижу, я много знал храбрецов. Тебе просто нужно время.

— Но...

— Не суетись и никого не стесняйся.

Подполковник кивнул и ушел вдоль строя. Когда Алексей повернулся к центру каре, было уже поздно. Всех желающих собрали внутри. Они выстроились в очередь к писарям, и те составляли списки. Генерал Оклобжио просил двести охотников, а вперед вышли более тысячи. Лишних вносили в состав резерва, чтобы потом заместить выбывших. Тем, кто остался в строю, велели сдвинуть ряды. Через час ожидания каре было распущено, солдат повели обедать.

Бельский вернулся в роту возбужденным. Его распирало неприятное Лыкову чувство самодовольства. Тон, которым студент обратился к своему приятелю, стал вдруг покровительственным... Да и другим он сказал в глаза: «Уйду я от вас, картузники!»¹ Алексей замкнулся. Хотел передать слова батальонного командира, но передумал. Вышло бы, что он оправдывается! Михаил в охотники не попал, желающих хватило и без него. Но его записали в резерв и велели быть наготове. Убыль у охотников повышенная. Как только начнутся бои, появятся и вакансии.

Вечером пришел Голунов. Он был в черкеске с малиновыми пластунскими пробками в напатронниках и с берданой на плече. За поясом виднелась опойковая нагайка.

¹ К а р т у з н и к и — уничижительное прозвище линейной пехоты.

Ефрейтор сказал что-то на ухо отделенному и стал собирать вещи. Алексей подошел, но спросить не решился. Калина Аггеевич заговорил сам. Он объяснил, что зачислен в охотничью команду левой колонны. Лыков ничего не знал про колонны, и ефрейтор прочел ему целую лекцию. Оказалось, что из Рионского отряда выделен Гурийский отряд с задачей охраны тыла и побережья в сторону Сухума. В него вошли, в частности, второй и третий батальоны их 161-го полка. А то, что осталось для атакующих действий, разбито на три колонны. Два других Александропольских батальона при поддержке казачьей сотни составили правую колонну, самую слабую. Их полоса действий — непосредственно вдоль моря. Но там ничего важного произойти не может. У турок сильный флот, а мы вследствие крымской катастрофы лишены права иметь на Черном море военные корабли. И в случае нашей атаки приплывут османские броненосцы и разнесут все к чертям. Задача колонны, таким образом, разведка и демонстрация. Это неинтересно.

Вторая колонна тоже слабовата. В нее включили три батальона 163-го Ленкоранского полка, Первую Грузинскую пешую дружину и кутаисских милиционеров. Зато там много артиллерии. 32 орудия встанут посреди фронта, чтобы огневым маневром поддерживать оба фланга. Задача колонны, судя по всему, помогать главным силам и охранять артиллерийский кулак.

Самая мощная колонна — та, куда перевелся Голунов. Пластуны, стрелки, саперы, батальон ленкоранцев, весь

Закатальский полк, пешие гурийцы, две сотни кутаисцев и две батареи — все это говорит само за себя. Главный удар будет наноситься с левого фланга. Подальше от моря, поближе к горам. Охотничья команда левой колонны самая многочисленная, людей туда отбирает лично Оклобжио по рекомендациям полковых командиров.

Алексей выслушал ефрейтора и окончательно закручинился. Тот уходит в другую часть, Бельский загордился, а завтра в бой. Он же струсил выйти из строя... Нижегородец рассказал Калине Аггеевичу о своем разговоре с Териевым. Голунов сразу одобрил слова подполковника.

— Вот настоящий солдат! — заявил он. — Ему ли не знать цену храбрости? Соглашусь с ним: не торопись помереть! Еще навоюешься. Какая, по-твоему, самая верная линия поведения?

— Какая?

— На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Так и поступай всегда!

— Но ты же пошел в охотники!

— Мне можно.

— А мне почему нельзя?

— Потому что молодой. Пообтешись немного, хватит на тебя войны.

— А Бельский? Он храбрее меня, выходит?

— Это надо в бою смотреть, — серьезно ответил Голунов. — А так не поймешь. Ну, бывай!

Он протянул вольноопределяющемуся крепкую руку:

— Будет время — заходи.

И исчез в сумерках бесшумным пластунским шагом.

После ужина унтер-офицеры раздали огнеприпасы, по 182 патрона на человека. Патроны были бумажные, и их велели не мочить. При переходе через горные реки надлежало нести подсумки и сухарный мешок с зарядами над головой.

Роты изготовились к ночному маршу. Двух полковых собак привязали на поводки. Одну звали Мухтарка, в честь Мухтар-паши, командующего Анатолийской армией, а вторую — Дервишка, по имени Дервиш-паши, командира Батумского корпуса турок. Штыки велели убрать, чтобы не заколоть товарищей. Второй и третий батальоны двинулись в Озургеты, в Гурийский вспомогательный отряд. А первый и четвертый в походной колонне ровно в полночь вышли из Эскадского укрепленного лагеря. В кромешной тьме они долго пробирались по узкой дороге к границе. Дороги — большое место Приморского театра войны. Их здесь почти нет. Есть лишь арбно-вьючные, просто вьючные и пешие. Зимой, когда льют бесконечные дожди, жизнь в горах замирает. Даже пешком никуда не дойдешь. И как воевать?

В два часа ночи впереди захлопало множество сапог. Бранясь, солдаты спускались в топкую низину, по дну которой стремительно неслась горная река. Чолок! На правом берегу уже Турецкая Гурия! Александропольцы смело вошли в стремнину. Взводные командиры приказа-

ли поотделенно взяться за руки. А как же огнеприпасы? Их надо поднять над головой! Вода дошла уже до колен, потом до пояса. Сильное течение норовило сбить с ног. Лыковское звено — четыре человека — шло в обнимку. Посреди реки, в самом глубоком месте, правого солдатика повалило; за ним стал падать и сосед. Бросив сухарную сумку болтаться на плече, Алексей схватил обоих товарищей в охапку. И буквально выдернул из водоворота. Шагнув вперед, почувствовал, что твердо стоит на ногах. Еще бы — он стал втрое тяжелее! Так Лыков и вышел на тихое место, держа звеньевых под мышки... С левого берега поручик Агафонов одобрительно прошептал:

— Ай да сила! Молодец, Лыков! А теперь вперед, вперед!

Длинная цепь мокрых, озябших пехотинцев стала взбираться на высокий берег Чолока. Вот и турецкий пост! Дрожащими руками — то ли от холода, то ли от страха — вольноопределяющийся передернул затвор винтовки. Сейчас начнется... Но рота никого не обнаружила. Три или четыре строения были пусты, окопы слабого профиля — тоже. Турки не приняли боя и ушли.

Вдруг впереди, саженьях в ста, раздались выстрелы. Началось! Александропольцы побежали на шум боя. Лыков ощутил новое, не испытанное ранее чувство: восторг и ужас одновременно. Вынести его оказалось нелегко. Хотелось чего-то резкого, даже страшного, лишь бы случилось поскорее. Пусть опасность или смерть, но не этот пугающий восторг... Но стрельба быстро прекратилась.

На поляне лежало несколько тел в незнакомых куртках, вокруг них толпились линейцы. Из темноты выскочил батальонный командир, осветил спичкой.

— Турки, из редифа¹. Сторожевое охранение. У нас потери имеются?

— Так точно, господин подполковник, — ответил поручик второй полуроты. — Убит солдат в головном взводе. Разрешите преследовать дальше?

Тариев наклонился над мертвым солдатом:

— Первый уже есть...

Стало тихо, и Лыков обнаружил, что от его восторга ничего не осталось. Вот тебе война, вот кровь, невидимая на мокрой траве...

— Вперед, братцы! — скомандовал батальонер. — Не бойтесь ничего! За Богом молитва, а за царем служба не пропадают!

Когда рассвело, батальон оказался в западне огромного векового леса. Три тропы перекрещивались в самой чаще. Две из них шли на восток, к морю, еще одна вела к горам. А войскам требовалось на юг, к Кобулету. Лес оказался непроходимым даже для пехоты. Лианы и какой-то невиданный колючий кустарник затрудняли движение, люди выбились из сил. В голове колонны стоялось совещание начальства. Незнакомый капитан с аксельбантом Генерального штаба шуршал картой, поворачивая ее то так, то эдак. Командир полка князь

¹ Р е д и ф — турецкие запасные части.

Абашидзе, подполковник Териев и командир четвертого батальона мрачнели на глазах. Наконец полковник подождал Агафонова и приказал:

— Отправьте несколько солдат на поиск тропы. Кого-нибудь посмышленее.

— Есть, ваше сиятельство!

Поручик созвал унтер-офицеров, и уже через полминуты раздалось:

— Лыков, Иванов, Тахвердов, ко мне бегом!

Алексей подбежал первым, вытянулся. Полуротный сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Вы доброволец, с вас особый спрос.

— Слушаю, ваше благородие!

Рядом встали два старослужащих из их четвертого взвода.

— Надо сыскать тропу на юг. Карта говорит, что она есть. А найти не можем! Под угрозой выполнение боевой задачи. Понятно?

— Так точно!

— Расходитесь веером, расстояние держите в пятьдесят саженей. Кто первый найдет тропу — пусть стреляет. Вопросы есть?

— Есть, ваше благородие, — сказал Иванов, степенный дядька из вологодских. — Нам бы кинжалы... Без них не пройдем, ей-бо! Вон какая колючка.

— Кинжалов нет, можем дать офицерские сабли, — ответил поручик.

Иванов только вздохнул.